

УДК 323.17:316.6

О. Ю. Хорошилов,

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,
Институт социальных наук Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова
к. 35, Французский б-р, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина
тел. 8-0482-68-43-73 (р. т.)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АДАПТАЦИЯ, АККОМОДАЦИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Статья посвящена изучению региональных сообществ в эпоху глобализации. Региональные сообщества представлены в качестве важнейших акторов процессов социально-психологической адаптации индивидов к стрессам модернизации.

В статье на основе эмпирических и теоретических данных создается базисная гипотетическая модель существования региональных сообществ.

Ключевые слова: региональные сообщества, адаптация, аккомодация, идентификация.

Противоречивые тенденции в развитии современной цивилизации, сопровождающиеся нарастанием кризисных явлений во всех сферах функционирования человеческих обществ, одной из важнейших своих составляющих имеют актуализацию проблемы приспособления индивидов и их больших и малых групп к динамически (а, порой и катастрофически) меняющимся условиям жизни. Разнообразные тактики и стратегии индивидуальной и групповой адаптации к условиям “глокализации” имеют непосредственный выход в сферу политики, чем и обуславливается актуальность данного направления исследований.

Новизна предлагаемой работы заключается в том, что в отечественной политологии основное внимание акцентируется преимущественно на адаптационных функциях политических систем. Уровень же сообществ и отдельных индивидов находится практически вне проблемного поля украинской политологии.

Элементы новизны исследования прослеживаются также и в использовании автором понятия “региональные сообщества” вместо привычного для классической науки понятия “этнические сообщества”, а также в рассмотрении региона не в качестве субъекта и объекта процессов администрирования, а в качестве своеобразного проекта — продукта целенаправленного интеллектуального конструирования, выполняющего функции фундирования новых типов и форм идентичностей и обеспечивающего социально-психологическую адаптацию индивидов, оказавшихся в условиях хаотизации социального бытия.

Объектом исследования, таким образом, выступают процессы адаптации региональных сообществ к условиям глобализации мировой системы и кризису “национальных” государств.

Предмет исследования определяется в качестве поиска законов и закономерностей адаптационных практик региональных сообществ, находящихся своё проявление в разноуровневых политических процессах.

Учитывая объёмы статьи, автор ставит перед собой задачу по формулированию базовой, отправной гипотезы для более масштабного исследования.

Комплексная разработка вопросов адаптации была предпринята в начале XX века преимущественно зарубежными биологами, этологами, психологами и культурными антропологами. Именно представителями данных наук была совершена серьёзная работа по концептуализации проблем многоаспектной человеческой адаптации (биологической, психологической, этнической, культурной). Большой вклад в развитие этой проблемы в п/п. XX в. внесли Р. Парк, К. Лоренц, Ж. Пиаже, Дж. Берри и др. Со второй половины столетия к ним подключаются и советские (позже — российские) этнологи: Б. Ф. Поршнев, С. А. Арутюнов, Л. М. Дробижева, В. А. Тишков и др.

В настоящее время центр научных интересов перемещается от изучения функционирования структур и институтов — акторов адаптации, к анализу адаптационных стратегий на микроуровне (семьи, общины, землячества, корпорации и т.д.) [2].

Несмотря на методологический плюрализм, царящий в сфере изучения феномена адаптации, прослеживаются и общие для различных научных направлений и школ, моменты в восприятии его сущности. Так, адаптация в целом, понимается в качестве совокупности поведенческих, популяционных, культурных и иных особенностей индивида, группы или вида, обеспечивающих возможность специфического образа жизни в определённых условиях внешней среды [1].

Разработчики проблем социально-психологической адаптации указывают на то, что по отношению к человеку, она лишь в теории выступает как целостный процесс, распадающийся на практике на ряд частных адаптаций — этническую, культурную, экономическую и т. д. Кроме того, утверждается точка зрения, согласно которой, адаптация никогда не достигается раз и навсегда, и предстаёт как двухаспектный процесс преобразования себя и среды. По мнению В. Зеленского: “Адаптация — процесс вхождения в согласие с окружающим миром, с одной стороны, и со своими собственными уникальными характеристиками — с другой, что предполагает способность распознавать субъективные образы, образы внешнего мира, а также эффективно воздействовать на среду” [8].

Вслед за этологами и психологами-когнитивистами, ряд исследователей утверждают, что для адаптации человека как био-социального существа, важную роль играют как инстинкты и навыки (биологическая составляющая), так и интеллект (социальная составляющая). В качестве одного из механизмов и одновременно — результатов адаптации при помощи интеллекта, определяется обычай, в котором закреплено то, что складывалось в результате длительной общественной практики [12]. По-существу, признаётся важность культурной межгенерационной трансмиссии или — со-

циализации. Поэтому и неудивительно, что стадии процесса адаптации (преадаптация, инадаптация, постадаптация) соответствуют трём стадиям социализации индивида (ранняя, зрелая и ресоциализация) [2].

Важным с т. з. логики данного исследования является сущностное размежевание адаптации и аккомодации. Если первая предполагает эволюционную выработку и последующее использование относительно устойчивой системы обычаев, знаний, навыков и умений, обеспечивающих выживание в условиях столь же относительно устойчивой среды, то аккомодация выступает как процесс социальной коррекции традиционной системы приспособления. Аккомодация, таким образом, — это приспособление творческое, актуальное, осознанное [3]. Её время наступает, очевидно, в периоды бифуркаций конкретных социальных систем. От успешности данного процесса зависит если не выживание системы в целом, то сохранение её культурного кода. Вместе с тем, аккомодация, имея радикально инновационный характер, может коренным образом изменить и весь облик существующей системы.

Принимая основные теоретические постулаты своих предшественников, автор статьи склонен считать, что своеобразным продуктом адаптационных процессов многочисленных коллективов к уникальным географическим, экологическим, экономическим и прочим условиям стала этническая культура. Начало этого процесса значительно отстоит от нас во времени и относится к дописьменному периоду человеческой истории. Именно этничность как уникальный комплекс материальной и духовной культуры, задавала человеку традиционного общества ту систему ценностных координат и поведенческих стереотипов, при помощи которой он упорядочивал хаотический поток информации, поступающей от внешней среды, и обеспечивал физическое выживание себе и роду в целом. Последний, как создатель и носитель основ системы адаптации, требовал от индивида абсолютной лояльности. Как результат, в группе доминировали горизонтальные связи, имевшие в своей основе абсолютизированный культурный (адаптационный) стереотип.

Важно отметить, что подобные сообщества тяготели к автаркии не только по отношению к иным аналогичным коллективам, но и по отношению к политическим институтам. Наиболее чётко эта параллельность этнических и политических структур проявляется в период Раннего и Развитого Средневековья.

Существенные трансформации в *status quo* произошли на этапе Модерна, характерной чертой которого являлось доминирование т. н. “национальных” государств. Построенные по принципу “чья власть, того и вера” (*quius regio, eius religio*), политические системы стали претендовать на авторитарное определение стандартов материальной и духовной культуры своих подданных. Условием выживания больших и малых групп стало уже не столько приспособление к экологическим условиям, сколько принятие правил социального взаимодействия, продиктованных государством, и, как следствие, адаптация к ним. На смену горизонтально интегрированным сообществам приходят вертикально интегрированные схемы

организации власти и лояльности. Этничность зачастую провозглашается “нежелательной” и вытесняется на периферию социального бытия, становится признаком маргинальности. Апофеозом данного процесса можно рассматривать возникновение классического либерализма, рассматривающего человека в качестве абстрактного индивидуума, “изъятого” из разного рода локальных особенностей, и наделенного универсальными “естественными” правами.

Важно отметить, однако, что модернистский проект, имевший в основе своей идеологию Просвещения с её апелляцией к детерминизму, линейным формам прогресса, стандартизации и унификации, так и не был реализован в полном масштабе. Практически все национальные государства Европы сталкивались с различным по степени своей интенсивности сопротивлением сообществ, не желавших утрачивать свои культурные, этнические, религиозные и прочие особенности. Ответные санкции также колебались в диапазоне от политики “плавильного котла” до холокоста.

На этапе позднего модерна унифицированная система культурных практик стала всё чаще давать сбой. Выяснилось, что конформистское следование правилам, продиктованным политическими институтами, вовсе не гарантирует избегания различного рода стрессов, а либеральная рыночная экономика не обеспечивает всеобщего процветания и подвержена глубочайшим кризисам. Более того, национальное государство за всё время своего существования так и не смогло обеспечить сбалансированное и гармоничное социально-экономическое и культурное развитие всех своих территорий. Особенно это стало заметно на Востоке Европы, где на территориальную поляризацию накладывается цивилизационная. Так, по наблюдению В. А. Ачкасовой и А. В. Чугунова: “Российская деревня в массе своей живёт едва ли не на уровне условий средневековья, провинциальный город зачастую воспроизводит нравы XIX в., а жители столиц и индустриальных центров, ощущая себя современниками эпохи постмодерна, предпринимают попытки вывести в виртуальное пространство пока малосостоятельную экономику” [5, с. 71]. Комплекс таких негативных факторов может порождать и глухое недовольство жителей “провинциальной глубинки”, но может привести и к кризису государства в целом, о чём красноречиво свидетельствует опыт современной Бельгии с её противостоянием депрессивной Фландрии и интенсивно развивающейся Валлонии.

К чему действительно приводят всё нарастающие и глобализирующие кризисные явления, так это к актуализации поиска систем адаптации, гарантирующих преодоление цивилизационного хаоса для отдельных индивидов и их групп.

Один из парадоксов данной проблемы заключается в том, что возврат к традиционной системе этнической адаптации в её первозданном виде уже вряд ли возможен.

Во-первых, предлагаемая этническими системами тактика и стратегия приспособления к среде обитания уже не является полностью адекватной последней. Достаточно лишь вспомнить пример с неоправдывающимися в современных экологических условиях народными приметами...

Во-вторых, с самими этническими коллективами произошли серьёзные перемены. Века господства национальных государств не прошли для этносов даром. Такие учёные, как Ю. В. Арутюнян, утверждают, что: “В реальной действительности такого интегрированного организма, как этнос, во многих случаях вообще уже давно не существует” [4, с. 28]. Представители одной и той же этнической группы могут быть внутренне дифференцированы не только социально, — в диапазоне от “люмпена”, криминальных элементов до творческой интеллигенции, предпринимателей, но и по континууму этническому — от представительства в “плавильном котле” до сугубо “закрытого” этнического образования [4, с. 28].

Вслед за рядом зарубежных и российских исследователей, автор статьи склоняется к гипотезе, что в современных условиях именно территориальные, а не этнические сообщества, перебирают на себя функции акторов коллективной и индивидуальной адаптации. Учитывая тот факт, что чувство территории (мой дом, моя /община — наша/ земля, мой город (край, страна, Родина) и т. д., будучи социокультурным феноменом и важным атрибутом социализации, присуще каждому человеку, именно территориальная идентичность может компенсировать кризис как общенациональных, так и этнических адаптационных систем [7, с. 85].

Современная европейская практика дает основания утверждать, что регионы не просто выступают в качестве субъектов и объектов процессов администрирования, а конституируются как “воображаемые сообщества” — продукты целенаправленного интеллектуального проектирования местной элиты [9, с. 37]. Преследуя свои, зачастую сугубо утилитарные цели, региональные элиты в стремлении обеспечить себе поддержку местного электората, способствуют созданию “образа” региона (регионального сообщества), включающего в себя совокупность позитивных самохарактеристик: “индустриальное сердце (житница, интеллектуальный центр...) страны”. Свидетельством претензий региональных сообществ на роль субъектов адаптации является, к сожалению, мало изученный пока феномен “территориального поведения”. Российские исследователи А. Ю. Завалишин и И. П. Рязанцев рассматривают его как комплекс территориальных и групповых реакций на рефлексию пространства коммуникации в соответствии с априорными представлениями, данными от рождения, и культурными стереотипами, приобретенными в процессе социализации личности [7, с. 83]. Сточки зрения исследователей: “Базовая модель территориального поведения становится социокультурной нормой, подчиняющей себе социальное поведение субъектов. И поскольку социокультурное воздействие поведенческих паттернов носит долговременный характер, оно оказывает существенное влияние на развитие социальной, экономической, политической ситуации в регионе на протяжении длительного времени” [7, с. 84]. От себя хочется добавить, что смысл позитивных самохарактеристик, содержащихся в создаваемой региональным сообществом идентичности, актуализируется в противопоставлении данного сообщества конкурентам по принципу “МЫ — ОНИ”. Это, а также приведенные выше, особенности духовных систем региональных сообществ, позволяет увидеть их логическое

и функциональное родство с нормами этнических культур. Единственное, пожалуй, различие заключается в том, что первые создаются путем целенаправленного проектирования, а вторые — развиваются эволюционно и, если угодно, генетически.

Конкретное содержание конструируемых идентичностей может зависеть от целого комплекса переменных. Одной из них является, например, тип сознания регионального сообщества — ориентировано в прошлое (“осадочный” тип по классификации Л. Е. Бляхера) или в будущее. Создаваемые региональные сообщества могут являться и “симулякрами” — своим существованием искажать действительность, например, в тех случаях, когда провозглашается самобытность и уникальность того коллектива, который, на самом деле, обладает лишь незначительными отличительными от основного массива населения страны характеристиками. [6]. Претензии на уникальность регионального сообщества достаточно часто опираются на тот факт, что территориальные социально-экономические образования возникают/создаются на “рубежах контрастности” — линиях разломов природно-географических ландшафтов, границах этноконтактных зон, рубежах нациестроительства [9, с. 33].

Исходя из этого, становятся понятными сложнообъяснимые, с точки зрения традиционных научных схем, попытки создания различных территориальных сообществ в моноэтнической (или стремящейся к таковой) среде. Для Западной Европы примером таких попыток может быть постепенное нарастание напряжения во взаимоотношениях жителей северной (индустриальной) и южной (аграрной) Италии, признание за жителями Каталонии (Испания) статуса “нации”.

Сдвиги к территориальности отличны и в странах Центральной Европы. Так, чешская национальная идентичность в 1995 — 2003 г. г. обозначила перенос приоритетов со знания родного языка, ощущения себя чехом, уважения к законам и институтам Чешской Республики, на проживание в республике большую часть жизни, а также рождение на ее территории. О тенденциях к замкнутости чехов свидетельствует преобладание негативного отношения к чужеродным влияниям — к иностранному капиталу, иммигрантам, культурным заимствованиям. По определению исследователей, адаптация здесь более похожа на пассивное сопротивление модернизации [10, с. 104,108].

Все большая активизация региональных и территориально локализованных этнических сообществ, их массовое стремление к политической легализации — факт, которого не знал доглобальный социум, — породили определенную растерянность среди представителей обществоведения. Современность воспринимается как процесс феодализации, ренессанс элементов архаики. В качестве оптимистического сценария прогнозируется трансформация государства в сетевую структуру согласования разноуровневых интересов [5, с. 71]. Для логики данной статьи, чрезвычайно важной является констатация того факта, что в процессе своей трансформации по направлению от унификации к плюрализации, система социализации (адаптации) сегментирующегося общества не должна утратить свою спо-

способность задавать представителям различных региональных сообществ необходимый минимум общих ценностных координат. В противном случае, их стратегическое телеологическое (социально-экономическое) и коммуникативное (непосредственное, вербальное) взаимодействие будет значительно затруднено, а существование социума — поставлено под сомнение.

Настала очередь обратиться к украинским реалиям. Насколько современная Украина подвержена тенденции создания региональных сообществ и насколько последние выполняют функцию социально — психологической адаптации к динамически меняющимся условиям модернизируемого общества?

Как и большинство постсоветских государств, Украина в период суверенизации пережила достаточно болезненный процесс распада устоявшихся социальных ролей и образцов межгруппового взаимодействия. Серьезный кризис переживала и система социализации молодежи, утратившая сколько-нибудь согласованную шкалу ценностных координат. На эти универсальные для всех стран Восточной Европы тенденции наложился и специфически — украинские особенности регионального многообразия. Стратегии преодоления социальной аномии на коллективном уровне также испытали на себе определенную “регионализацию”. Так, для западноукраинских земель фундаментальными нормами социальной регуляции стали этнические традиции и евро-атлантическая ориентация. Восточноукраинские области пошли по пути миксации “советской” и собственно украинской секулярной идентичности (что, впрочем, не мешает развитию крупного капитала). Важными ценностными регуляторами здесь выступают идеи территориального патриотизма, трудовой этики промышленных рабочих, славянского братства и т. д. Южные украинские области также сделали попытку найти свою собственную идентичность. Однако лозунги, типа создания “Новороссии” быстро утратили свою привлекательность.

Примечательно, что в первой половине 1990-х г. г. в Украине на политической арене обозначились и такие региональные объединения, как “Подольское” и “Волинское” землячества. Тем не менее, на сегодняшний момент есть основания говорить о жизнеспособности лишь двух региональных сообществ, условно обозначаемых автором как “западно-” и “восточноукраинское”. Для представителей этих сообществ характерно различное понимание прошлого, настоящего и будущего страны. Каждое из сообществ воспроизводит свою систему конкурирующих идентичностей. Местные элиты активно используют чувства “особенности” региональных сообществ для мобилизации их представителей к участию в политической борьбе. Последняя же воспринимается элитарными кругами не только как борьба за ресурсы (что, пожалуй, доминирует в системе мотиваций), но и как возможность сохранить свою региональную идентичность и легитимировать ее на общенациональном уровне.

Лояльность рядовых членов региональных сообществ обеспечивается не только созданием психологически комфортного и легко распознаваемого “образа” региона, экстраполируемого на всю Украину в целом, но и предоставлением рабочих мест и определенных экономических бенефиций, ин-

тенсивность которых особенно возрастает в периоды электоральных кампаний.

Хотелось бы подчеркнуть именно региональный характер создаваемых сообществ, ибо процентное соотношение этнических украинцев в каждом из них всегда превышает 50%. В этом отношении наша страна не является классическим многосоставным обществом в понимании последователей А. Лейпхарда. Представители национальных и этнических меньшинств в разных пропорциях привлекаются к участию в конкуренции региональных сообществ на принципах гражданства, родства культур, землячества. Однако данный факт не должен вводить в заблуждение и излишне успокаивать экспертное сообщество. Конкуренция восточно — и западноукраинских региональных сообществ в праве распространить свое видение сущности проекта под названием “Украина” на все национальное пространство, сопровождается внедрением в массовое сознание негативных стереотипов восприятия своих контрагентов. Т. о. создается угроза того, что некогда латентная неоднородность массового сознания, через абсолютизацию культурных особенностей региональных сообществ, трансформируется в фундаментальные ценностные расколы [11].

Украинское общество, т. о. находится перед дилеммой сохранения собственной целостности, при учете реально существующих региональных типов идентичностей и адаптационных систем. Решение данной проблемы зависит как от конструктивного диалога представителей региональных элит, так и от выработки позитивного сценария развития событий научным сообществом.

Выводы:

1. Глобализация стрессов и рисков человеческой цивилизации актуализирует поиск схем адаптации к вызовам среды.

2. Традиционные системы адаптации, разработанные в рамках этнической культуры и национального государства, лишь частично сохраняют свою эффективность.

3. Есть все основания предполагать, что именно региональные сообщества будут выступать основными агентами преодоления хаотизации социального бытия.

4. Растущая роль региональных сообществ и, соответственно, форм человеческой идентичности должна, очевидно, сопровождаться трансформациями государств из вертикально интегрированных в сетевые структуры.

Литература

1. Адаптация // [http: www. glossary. ru](http://www.glossary.ru)
2. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН (2006-2008 гг.) // [http: www. adaptation. iea. ras. ru](http://www.adaptation.iea.ras.ru)
3. Аккомодация // Психологическая энциклопедия // [http: www. mirslovarei. com_psy](http://www.mirslovarei.com_psy)
4. Арутюнян Ю. В. О потенциале межетнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. — 2005. — №1. — С. 26-40.
5. Ачкасова В. А., Чугунов А. В. Регионализация: политика и информационные технологии // Социологические исследования. — 2004. — №4. — С. 71-77.
6. Бляхер Л. Е. Нестабильные социальные состояния. — М.: РОССПЭН, 2005. — 208 с.

7. Завалишин А. Ю., Рязанцев И. П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. — 2005. — №10. — С. 83-92.
8. Зеленский В. Адаптация // Словарь аналитической психологии // [http: www. mirslovarei. com_psy](http://www.mirslovarei.com_psy)
9. Каримова А. Б. Регионы в современном мире // Социологические исследования. — 2006. — №5. — С. 32-41.
10. Коровицына Н. В. Чешская идентичность: об особенностях адаптации к переменам // Социологические исследования. — 2006. — №9. — С. 102-109.
11. Лапкин В. Украина. Поле мнений. Социологические сообщения Фонда “Общественное мнение” // [http: www. bd. fom. ru](http://www.bd.fom.ru)
12. Мещеряков Б., Зинченко В. Адаптация // Большой психологический словарь. — М.: Олма-пресс, 2004. — 400 с.

О. Ю. Хорошилов,

кафедра політології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова,
к. 35, Французький бул., 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

РЕГІОНАЛЬНІ СПІЛЬНОТИ В ЕПОХУ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ: АДАПТАЦІЯ, АККОМОДАЦІЯ, ІДЕНТИФІКАЦІЯ

Анотація

Стаття присвячена дослідженню регіональних спільнот в епоху глобалізації. Регіональні спільноти презентовані як найважливіші актори процесів соціально-психологічної адаптації індивідів до стресів модернізації.

В статті на основі емпіричних і теоретичних даних створюється базова гіпотетична модель існування регіональних спільнот.

Ключові слова: регіональні спільноти, адаптація, аккомодація, ідентифікація

O. Y. Khoroshilov,

Politology Department of Social Sciences Institute
of Odessa National University named by I. Mechnikov,
r. 35, Frantsuzsky Boulevard, 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

THE REGIONAL COMMUNITIES IN THE AGE OF GLOBALIZATION: ADAPTATION, ACCOMODATION, IDENTIFICATION

Summary

This article is dedicated to the study of regional communities in the age of globalizations. They are regarded as the most important actors of the processes of human socio-psychological adaptation to the stress of modernization.

In the thesis on the basis of the obtained empirical and theoretical data a basic hypothetical model of the existence of the regional communities was revealed.

Key words: regional communities, adaptation, accomodation, identification.